

ОРГАНИЗМ

КОЗЬЕ

МОЛОКО

Ордуни

**Козье молоко.
Сказка для взрослых**

«Издательские решения»

Ордуни

Козье молоко. Сказка для взрослых / Ордуни — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835384-0

«Козье молоко» — сказка для взрослых. Не рекомендуется читать лицам, не достигшим 18 лет, а также впечатлительным личностям!

ISBN 978-5-44-835384-0

© Ордуни
© Издательские решения

Содержание

Глава I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Козье молоко
Сказка для взрослых
Ордуни

© Ордуни, 2016

ISBN 978-5-4483-5384-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I

*У кого много пороков, у того
много и повелителей.*

Ф. Петрарка

В стародавние времена в развратном царстве, в распутном государстве жил да был могущественный государь Ширинка III Несгибаемый. Был он молод да упруг и жил в свое удовольствие, вольготно и похотливо, ни о чём особенно не тужил, никогда не мучился угрызениями совести, не признавал ни раскаяния, ни покаяния, и вообще вел себя, как подобает всем плутократам. Так бы и попал Ширинка на страницы Истории могущественным королем, если бы не история с козьим молоком. А всё началось с того, что Ширинка как-то повстречал правителя из соседнего королевства Кармана I Алчного.

– Я богаче тебя! – поприветствовал Ширинку Карман.

– Ну и что, зато я главнее! – поклонился ему Ширинка.

– Не говори ерунды! – усмехнулся Карман.

– Послушай, Карман, не тешь себя иллюзиями, где тебе до меня! Похоть правит миром! И я господин всех живых людей, а ты – мертвого металла и безжизненной макулатуры. Вот так вот! – заносчиво ляпнул Ширинка.

– Макулатуры! Я надеюсь, ты это не о деньгах случайно?.. – удивился Карман.

– Именно!

– Ты в своем уме, Ширинка! – Карман был возмущен до крайности. – Твои живые люди гибнут, гибнут и будут гибнуть за мой мертвый металл и, как ты посмел выразиться, безжизненную бумагу. Деньги правят миром! Да ну тебя! Даже слушать тошно...

– А ты послушай, послушай, – не унимался Ширинка. – Что твои деньги?

– Всё! Без денег человек ничто! Только деньги и делают его человеком, только они и внушают уважение и почет... Все благоговеют перед деньгами, только деньги...

– А страсть? Ты подумай, прежде чем говорить! – воскликнул Ширинка. – Человек готов отдать последние штаны, лишь бы добиться объекта своего вожделения!

– Ширинка, хватит мудрствовать, это тебе не к лицу. Нахватался заумных словечек... Вождление! Надо же, как завернул! Самое большее, на что ты способен – так это пихаться и сношаться... Хотя можно было бы выразиться и покрепче, – самодовольно изрек Карман.

– Пусть так, называй, как хочешь, дело твое... Только знай, что от этого ничего не меняется! Думаю, что тебе, мой дорогой Карман, известно, сколько народу томится в любовных муках, а сколько разоряются – так это ты знаешь куда лучше других... Любовные муки – самое страшное, что может обрушиться на голову бедолаги человека. По молодости – так это вообще жуть! Измены, предательства, самоубийства, убийства... просто жуть! Да и в преклонном возрасте не легче... седина в бороде, а бес в ребро! Нет, брат, человек никогда и нигде не будет в безопасности от стрел Амура...

– Ты Амура-то с собой не путай, ишь куда замахнулся! – вспылil Карман. – Любовь – это тебе не трах-тибидох!

– Только вот не надо мне про любовь заливать! Пусть Амур и высоко сидит, да рано или поздно опускается до меня, иначе никак нельзя. Распутство – отец всех и вся! И все любовные пути-дорожки, так или иначе, ведут ко мне... Как говорят немцы, липито...

– Не липито, а либидо, балда! – нравоучительно поправил Карман. – Это, во-первых, а, во-вторых, зачем всё так опошлять?

– Вы только послушайте, ишь какой праведник выискался! Копейкой лишь и цел!

– Не смей выражаться! Не потерплю в таком тоне о копейке говорить! – взревел Карман. – Пусть и злодейка копейка, да велика ее сила! Бедней всех бед, когда ее нет...

– Нет, похоть... – возразил было Ширинка, но приумолк: откуда-то сверху послышались странные звуки.

– Карман, а Карман, что это там булькает? – удивленно спросил Ширинка, задирая голову.

– Не знаю... – тихо произнес Карман, прислушиваясь.

Шум медленно, но верно нарастал, как вдруг монотонное бульканье стало прерываться то грозными раскатами, то клокотом, то страшным урчаньем и ужасным бурчанием.

– Ка-а-рман... – Ширинка, перепугавшись, спрятался и едва был виден из-за своей застегнутой молнии. – Мне страшно...

– Я, кажется, догадываюсь, кто это может быть, – испуганно прошептал Карман.

– И кто же? – пискнул Ширинка, не высовываясь.

– Только тише... Я слышал от своего деда, а он от своего, а тот от своего...

– Да ну! – показался Ширинка.

– Тсс! – Карман укоризненно посмотрел на него, поднося палец ко рту. – Так вот, когда я был маленьким, дед рассказывал мне, что в верхнем королевстве правит всемогущий царь...

– Ишь ты! Что за царь?

– Что у тебя за манера вечно лезть, куда тебя не просят! Дай сказать же, наконец! – возмутился Карман нетерпеливостью Ширинки.

– Что есть, то есть... скверная привычка... – жалобно пропищал Ширинка.

Звуки наверху притихли.

– Вроде ушел...

– Кто ушел? – вновь встрепенулся Ширинка и тут же осекся: Ах да, царь... Что это за верхнее королевство, Карман? Я окромя наших да соседних царств нигде толком-то и не бывал.

– Запомни, Ширинка: наши королевства нижние, но есть еще и верхнее королевство... Мой дед говорил, что правит там очень жестокий правитель, и что нет от него никакого спасенья...

– Так прямо и нет? – ехидно усмехнулся Ширинка. – Ты больше слушай, еще не такое расскажут!

– Глупый ты, о чем с тобой говорить? – обиделся Карман.

– Карман, а как его зовут?

– Отстань...

– Ну, прости... как, а?

– Его превосходительство Чрево, только отстань! – отмахнулся Карман.

– Он мне не указ! Вот как возжелаю... – начал бахвалиться Ширинка.

– Да угомонишься ты в конце концов!

– Не злись, Карман...

– Дай мне сказать, – рассердился Карман.

– Ладно, молчу, молчу...

– Дед говорил, что только когда этот правитель сыт, тогда и можно надеяться на его снисхождение... А сыт он бывает крайне редко. И вообще он ненасытен и кровожаден, и к нему надо обращаться «ваша сытость».

– Ваша сытость! Тоже мне придумали... Наша похоть! Знай наших... – Ширинку снова понесло, но вдруг он замолчал, подумал – а это случалось с ним крайне редко – и спросил:

– А как понять, сыт он или голоден?

– Говорят, только по голосу... Если он сыт, то весел, а если голоден... упаси всех нас...

Тут бульканье и вовсе прекратилось, и чей-то веселый, но чрезвычайно важный голос откуда-то сверху проорчал на них как нельзя сыто:

– Эй вы, оболтусы!

Карман и Ширинка переглянулись.

– Да, да, я это к вам обращаюсь.

– Карман, что ему надо? – пискнул Ширинка, доверчиво поглядывая на Кармана. – Он ведь нас не тронет, правда?

– Не думаю... кажись, сыт...

– И то верно, знать, недавно натрескался, – поддакнул Ширинка.

– Возможно...

– Как я посмотрю, вы совсем тут страх потеряли! – забасил голос уже сердито. – Знались, нелюди?

– Нет, нет, ваша сытость, никак нет... – попытался как можно учтивее произнести Карман.

– Вы чьи лизоблюды будете? – бесцеремонно спросило Чрево.

– Что значит лизоблюды? – возмутился было Ширинка, но Карман предусмотрительно остановил его и, отвесив низкий поклон, важно представился:

– Мы правители нижних королевств: я Карман I Алчный, а это мой сосед, Ширинка III Несгибаемый.

– Ха! Правители! Вы, холопы-остолопы, слушайте и запоминайте: Вы никто, и звать вас никак! Чихать я хотел на ваши королевства и на вас! Человек мой, мой, и больше ничей! Тебе понятно, одноглазый?

Ширинка даже вытянулся от возмущения, но Карман продолжал в раболепском тоне.

– Да, ваша сытость, как же иначе! Люди... они все ваши... только не гневайтесь, милостиво просим, – начал лебезить Карман, видя, что обстановка накаляется.

– Мы вас любим, ваша сыто... – пикнул Ширинка, вторя Карману.

– А ты не встревай в разговор, – захохотало Чрево, бесцеремонно затыкая Ширинку. – Твое дело маленькое!..

Карман посмотрел на поникшего Ширинку и важно улыбнулся:

– Слышал – маленькое!

– Кто там болтает? Ты, что ли? – надменно обратилось Чрево к Карману.

Карман никак не мог взять в толк, сыто Чрево или нет: голос то звучал довольно и сыто, то был грозен и внушал панический страх.

– Человек мой, он полностью и всецело принадлежит мне! На мой пузатый алтарь ежедневно приносятся миллионные жертвы! И всё во благо мне одному!

– Да, великое Чрево, воистину это так! – покорно забренчал Карман.

– Тебя собственно никто и не спрашивает, безродный! Мои предки жили тысячи лет назад, а ты... Тьфу! Даже говорить неохота...

– Так тебе, худородный! – оскалился Ширинка.

– Вот скажи мне, Карман, что есть деньги?

Карман благоразумно молчал.

– А я тебе отвечу: ничто! И все твои деньги – мусор!

При этих словах в глазах Кармана потемнело, однако, он нашел в себе силы не подать вида.

– А я что говорил? Так тебе! – обрадовался Ширинка, а Чрево продолжало вяло сипеть:

– Всё твоё королевство, Карман, существует лишь для меня! Голодный человек отдаст всё своё состояние, лишь бы насытить меня! Он опустошит тебя по одному моему хотению. Деньги не съедобны, Карман. Ты должен это понимать.

Однако Карман ничего понимать не хотел и упорно молчал.

– А ты, Ширинка, что скажешь?

– Несъедобны, ваша сытость, никак не съедобны...

– Да я не об этом!

– И я не об этом, – лепетал Ширинка. – Я... я... ничего, ваша сытость...

– Оставь человека без еды пару дней... – Чрево вновь захохотало, – и всё, Ширинка, пиши пропало!

– Куда пиши? Что пропало? – растерялся Ширинка.

– Ты пропал! – закатывалось от смеха Чрево.

– Не смею возражать, ваша сытость... Вы правы... Пропал... Голод не тетка... – пропищал Ширинка, понуро свесив голову, не понимая, каким образом это связано с ним.

– Я это к тому, что вы без меня никуда! Пропадете, как пить дать! И намотайте это себе на ус! Только на сытый желудок думает человек и о тебе, Карман, и тем более о тебе, Ширинка... Понятно? В театре жизни главное – буфет...

Не успело Чрево закончить свою мысль, а Карман подумать о том, что в буфете без денег делать нечего, как всё вокруг потемнело, словно кто-то закрыл собою солнце. Откуда ни возьмись свинцовой тучей над ними нависла огромная тень. Воцарилась зловещая тишина, точно на кладбище в безлунную ночь. Ощущение чьего-то присутствия и предчувствие надвигающейся беды усугублялись осознанием собственного бессилия перед неизбежным.

– Что это, ва-а-а-ша сытость? – едва слышно зашелестел Карман, как вдруг страшный душераздирающий вопль, доносящийся откуда-то сверху, словно иглой, пронзил гробовую тишину, повергая и без того перепуганных монархов в тихий ужас. Карман, Ширинка и Чрево моментально умолкли и затряслись от страха. Где-то наверху, над ними, в крошечной темноте парил ужасный призрак...

– Мы пропали... – застонал Ширинка.

Громовыми раскатами с небес прокатилось:

– На колени!

Карман, Ширинка и Чрево грохнулись на землю и замерли в ожидании. Всё стихло. Выждав минуту, но, всё еще не смея поднять голову, Чрево оглянулось и едва слышно проурчало:

– Не вздумайте поднять головы, и главное не вздумайте посмотреть ему в глаза! Ни при каких обстоятельствах... Большого оскорбления ему нанести нельзя!

– Кому? О ком вы говорите? – едва дыша, спросил Карман.

– Я, кажется, знаю, кто это... – булькнуло Чрево.

– К-к-то-о-о же? – жалобно пропищал Ширинка.

– Не лезь, – шикнул на него Карман.

– Когда я был маленьким, – начало тихо Чрево, – мой дед рассказывал мне, а ему рассказывал его дед, а его деду его, и так далее в глубину веков... – Чрево важно проурчало. – Дед говорил, что где-то очень, очень высоко живет... божество.

– Ишь ты! А как же вы? Оно что, важнее вас, ваша сытость? – не удержался Ширинка.

– Не встревай, – пихнул его Карман, – продолжайте, ваша сытость.

– Да, важнее, куда важнее... – Чрево тяжело вздохнуло и показало пальцем куда-то вверх. – Дед говорил, что даже имя его произносить нельзя...

– Даже имя! – подпрыгнул Ширинка, позабыл об угрозе.

– Уйми его, – обратилось Чрево к Карману, закатывая глаза к небу.

– Не сидится ему на месте, ваша сытость... Натура! – вздохнул Карман, показывая Ширинке кулак. – Просим вас, продолжайте.

– Дед говорил, что прежде чем произнести имя этого божества, необходимо трижды прополоскать рот молоком... – многозначительно заключило Чрево.

– Эх, молочко бы сейчас не помешало, – залепетал Ширинка, играя молнией. – Парного бы, пропустить стаканчик, другой... да еще в хорошей компании, с девочками... Эх, за милую б душу!

– Ах ты бесстыжий! Застегнулся бы... А то нашел место, – шикнул на него Карман и обратился к Чреву:

– А зачем полоскать-то? Не лучше ли выпить!

– Это такой ритуал, дурень, – забурчало Чрево. – Ритуал очищения!..

– А! Простите нас, необразованных, простите... – с умным видом отвечал Карман.

– За себя говори, дурень! – довольно пискнул на него Ширинка. – Надо же! Ритуал...

В нашем королевстве тоже есть ритуал, когда все придворные дамы и...

– Опять он за свое! Ширинка, ты свои дворцовые оргии с ритуалами не путай, это не одно и то же... Ваша сытость, а что за ритуал такой? Зачем рот полоскать?

– Говорят же для очищения! – отрыгнуло Чрево. – Чего тут непонятного?

– А-а-а! – потянул Карман, делая вид, что понимает.

– Ну, нельзя грязным своим ртом осквернять имя этого божества... Нельзя, понимаешь?

А молоко, говорят, оно особенное... козье... мигом очищает...

– Надо же! Особенное...

– Да, особенное, поэтому для этого ритуала подходит не любая коза...

– Не любая?

– Не любая... нужны только те, что пасутся высоко в горах на одной сакральной поляне...

– Саксуальной поляне? – напрягся Ширинка.

– Отстань, Ширинка... у тебя только одно на уме, – тщетно силился Карман вспомнить значение слова «сакральный».

– Карман, я хочу туда, это так романтично!

– Замолчишь ты когда-нибудь? Будет тебе сейчас и романтика, и...

– А что я? Он сам сказал саксуаль...

– А почему, ваша сытость, поляна непременно должна быть... ну, это... сакральной? – тактично пытался скрыть свое невежество Карман.

– Об этом дед умолчал...

– Почему?

– Сказал, что детям такие вещи знать не следует и что расскажет, когда я подрасту...

– И?

– Вскоре дед умер...

– Какая жалость! А поляна с козами очень высоко, ваша сытость? – спросил Карман, открыв варешку.

– Выше облаков! Там высоко в горах, когда сходит снег и травы наливаются зеленью, на пастбищах пасутся козы...

– Для ритуала?

– Да, но дед говорил, что и этого недостаточно, и там строгий отбор. Не каждая коза годится для ритуала...

– Как не каждая? – Ширинка в недоумении уставился на Чрево. – Почему не каждая? Все они на одно лицо...

– Это у тебя все на одно лицо, дуралей, а если поглядеть выше, так все разные... Застегнись! – важно осек Ширинку Карман.

– Да, не каждая... не каждая коза годится для ритуала... – поучало Чрево. – Дед говорил, что для ритуала очищения требуется самая молоденькая, белоснежная, как первый снег, козочка с черным пятном на лбу.

– Ух ты! Я люблю белоснежных и молоденьких... – Ширинка засиял от удовольствия.

– Не обращайтесь внимания, ваша сытость... он не в себе... – виновато брякнул Карман.

– Но и это не всё!..

– Не всё? Что еще, ваша сытость?

– Подоить эту козу должна самая красивая девушка во всей округе... и она непременно должна быть девственницей...

– Ого! Губа не дура, – подпрыгнул Ширинка от радости, – этот товар даже в моем царстве дефицит! Была, правда, одна да не уберег: сгубил! По недоразумению... как так вышло даже ума не приложу.

– Всё у тебя по недоразумению...

– И только после этого... – продолжало, осторожно оглядываясь, Чрево, – только после того, как этим молоком трижды прополощешь рот – непременно тщательно! – только тогда и можно произносить имя божества и желать ему здоровья и всяческих благ.

– Так кто же это, ваша сытость, как его зовут? – Карман трясло то от страха, то от любопытства.

– Увы, не могу сказать...

– Почему же?

– Молока-то нет, дурень! – икнуло Чрево.

– Мда-а-а, Карман, ни коз, ни девственниц, и на рынке таких, поверь, не найти, – хихикнул Ширинка и, забывшись, приподнял голову.

– Уймешься ты или нет? – не на шутку возмутился оскорбленный до глубины нутра Карман. – Да за деньги можно... – однако договорить он не успел.

Их возня не осталась незамеченной, тень дрогнула, шевельнула своими крыльями и стала медленно опускаться сквозь сумрак, словно одно из созданий преисподней. Она медленно опускалась, темнела и в итоге превратилась во что-то похожее на огромную черную мантию, которая окутала собою всё, что было поблизости.

– Молчать, несчастные! Уничтожу!! Всех уничтожу!!! – гаркнул властный и спесивый голос сверху.

– Чрево, спаси нас! Нам конец... – взмолился Ширинка.

– Никто вам не поможет! Вы все в моей власти! Вам конец! – продолжал мычать призрак.

– Мамочка, оно читает мои мысли... – не мог совладать с собой Ширинка.

– Мысли?! Заткнись, червяк! Ты себе льстишь, – призрак самодовольно усмехнулся и, не глядя в сторону трясущегося Ширинки, обратился к Чреву:

– Ты, глупое брюхо, как ты, пустоголов, мог позволить себе такие дерзкие речи? Как посмел? Ты знаешь, кто я? Отвечай!

– О мой господин... в общем... ну, словом... то есть, я хотел сказать... – мысли у Чрева путались, а его язык, – ближайший друг и соратник, – теперь отказывался ему подчиняться. Тихий ужас объял его. Чрево почувствовало, что судороги голода начали сводить его внутренности, несмотря на обильную недавнюю трапезу.

– Что ты несешь, бурдюк? Отвечай! Знаешь мое имя?

– Да... то есть, нет... Простите... но я не могу говорить... не имею права...

– Какого такого права? – удивился призрак, – только я даю и лишаю прав.

– Ваше превосходи...

– Короче! – взревел голос.

– Молоко... без молока... дедушка...

– Какое еще молоко, прорва! Отвечай, когда я тебя спрашиваю.

– Ваша светлость, я только хотел сказать... дедушка... коза...

– Ты хотел сказать! Только мне позволено хотеть! Только я! Я! Я! Только я хочу!!! Только я могу!!! Я! Я! Я! Вы все никто! Никто! Только я!! Я сейчас тебе устрою и дедушку и козу... Я вам всем устрою!! Я сказал!!!

Призрак над ними начал раздуваться, увеличиваясь в размерах. Карман, Ширинка и Чрево в ужасе прижались к земле. Раздувшись от спеси и чванства, призрак снова загорлопанил:

– Стоит мне только захотеть – и человек зашьет тебя, Ширинка!

«Меня! Зашьет? За что?» – ужаснулся Ширинка при одной такой мысли, однако совладал с собой и промолчал, чуть было не лишившись при этом чувств.

– Стоит мне захотеть – и человек опустошит тебя, Карман!

«Меня! Опустошит!» – тут Карману стало так плохо, так плохо, что он не сдержался и воскликнул:

– Господин, уж лучше смерть...

– Совсем сдурел! – набросилось на него Чрево, вовремя затыкая ему рот. Это их и спасло.

– Если я захочу, то тебя, брюхо, человек заморит голодом... Тебе ясно, прожора?

– О нет, только не это, – охнуло Чрево, еще больше распластавшись по земле. – Умоляю!

– Ты имело наглость заявить, что главное в жизни – буфет... Так? Я не ослышался?

Чрево в оправдание едва слышно что-то проурчало.

– Видать, не ослышался... Твои мокрые штаны красноречиво говорят за тебя.

– Господин, прошу простить меня, когда я нервничаю, то испытываю страшный голод... и начинаю истекать соком.

– Хорошо, когда только соком... Радуйся, что пока только соком! Смотри у меня, кишки-то мигом выпущу! В молоке искупаешься... козьем.

– О нет! Только не это... – при виде унижения Чрева, призрак самодовольно ухмыльнулся и раздулся еще больше.

– Итак, значит, буфет? Брюхо, твоя пустая сущность слишком глупа, чтобы понять, но ты постарайся это сделать...

– О да, я всё пойму...

– В этом я сильно сомневаюсь... Утришь и слушай: чтобы до отвала накормить тебя, достаточно... – Призрак призадумался. – Достаточно козы! Ты слышишь меня, брюхо, козы с тебя хватит!

При упоминании козы Чрево затошнило.

– Козы, коза, молоко, ритуал... – отрыгивалось ему. – Хватит, господин, хватит... – беспорядочно повторяло Чрево, брызжа во все стороны желудочным соком.

– Карман, ответь, сколько стоит коза?

– П-п-п-пу-стяки, ваша светлость... – кое-как совладал с собой Карман.

– Ты уверен?

– Д-а-а... П-п-пустяки... Т-т-только прикажите, и у вас будет сто коз... Нет, двести! С-с-сколько пожелаете!

– Карман... а Карман? – призрак коварно улыбнулся. – Я, конечно, слышал, что ты глупец, но чтоб настолько! Дались мне твои козы... Ладно, лучше ответь: тебе-то самому что нужно?

– Денег, ваша светлость! – уверенно произнес Карман. (Когда дело шло о деньгах, всё отходило у него на второй план, даже вопрос жизни и смерти.) – Много денег!

– Дурак! Козы достаточно! Одной козы! Слышишь?

– Достаточно, ваша светлость... коза... как скажете... коза, – жалобно заблеял Карман.

– Карман, учти: твое королевство нижнее, а значит, подчиняется верхним, служит им...

– Мы готовы, господин... – судорожно трясся Карман, соря монетами.

– А куда тебе столько денег, если для твоего сеньора, я брюхо имею в виду, достаточно одной козы? Козы, которая, с твоих же слов, стоит копейки?

Карман, уже порядком напуганный байкой про ритуал и молоко, всеми фибрами своей монетной души чуя подвох, не спешил отвечать. Ему очень, очень не нравился этот разговор про козу.

– Слышь, брюхо, козы тебе хватит? – на его радость, призрак переключился на Чрево.

– Хватит, ваше благородие, конечно, хватит... две козы.

– А заворот кишок не будет? – зло загоготал призрак.

– Заворот? Как скажете... как скажете...

– Карман, – снова обратился призрак к Карману, – ну, допустим, накормил ты брюхо, дальше что? Хорошо, часть твоих денег уйдет также на Ширинку... Черт с ним... А остальное-то зачем?

Ширинка, слышав свое имя, хотел было встрять в разговор, но Карман благоразумно одернул его и, пытаясь произвести хорошее впечатление, произнес:

– Я как-то не задумывался, ваша светлость...

– Дурак потому что! Остальное нужно, чтобы ублажать меня, сундук!

– И то верно, ваша светлость! Сундук я, сундук и ваш раб... только прикажите, и я... – лепетал, пресмыкаясь, Карман.

– Молчать! Что ты можешь? Что у тебя есть, несчастный? Не хватит и целого мира, чтобы ублажить меня! Всё для меня! Я центр мироздания! Нет таких весов, которые смогли бы меня взвесить!! Нет таких сокровищ, которые смогли бы перевесить меня! Нет таких монархов, которые могли бы меня... – тут призрак запнулся, чуть сдуся и неуверенно заключил: – Всё из-за меня...

– О, да, это так! – одновременно произнесли Карман, Ширинка и Чрево.

– Да, признаю, – продолжал важно выдавать призрак, – и ты, Ширинка, имеешь кое-какое влияние на человека...

– О господин... ваши слова...

– Меня перебивать! Всех удавлю! – заревел призрак, а потом невзначай добавил: – Заткнет его кто-нибудь?

Карман и Чрево, при этих словах, чуть было не разорвали Ширинку на две части. Призрак продолжал:

– Имеешь влияние, имеешь... надо признать... Но только не забывайся, праздный Ширинка! Одно только мое слово, и человек заштопает тебя навеки!

– Ах, нет, только не это... – с этими словами Ширинка обмяк и едва не упал без чувств.

– Только я вечен, всемогущ и непреходящ, только ради меня и живет человек! Его мысли – мои мысли! Его желания – мои желания! Его возможности – мои возможности! Я могу жить и править и без денег, слышишь, Карман, и без похоти, слышишь, ты, Ширинка...

– О... да... я... вы... – Ширинка, слышав свое имя, тщетно силился приподняться.

– Человек тысячи лет жил без тебя, Карман! Десятки тысяч! Тебя просто не было в помине! Ты, брюхо, постарше будешь... постарше... никуда от этого факта не деться. Да и ты, Ширинка, тоже пожил на свете... что и говорить...

Ширинка уже вытянулся по стойке смирно и жадно ловил каждое слово.

– Дедушка говорил, что мы почти ровесники... – не смогло сдержаться Чрево, шепча на ухо ошалевшему от важности Ширинке. – Он и твоего предка упоминал...

– Моего?

– Да, про Фаллоса какого-то говорил...

– Дедушка Фалл... – умиленно произнес Ширинка, и слезы потекли из его единственного глаза.

– Но не забывайте, смерды! – снова рявкнул призрак. – Я! И только я!!

– О да! Да! Я и только я... то есть, вы и только вы!! – путался и захлебывался восторгом Ширинка. – Вы и только вы! Да будет так, во веки веков!

– Мне и только мне решать, будет ли человек жрать, будет ли он пить, будет ли он...
Призрак замолчал и как бы подмигнул Ширинке.

– Я надеюсь, ты понял меня, ванька-встанька?..

– О господин, как же не понять, конечно, – при упоминании своего предназначения Ширинка снова прослезился. – Господин, вы такой понимающий... Продление рода человеческого на мне...

– Молчать, сморчок! – завопил призрак, сверкая глазами. – Я сказал! Я говорю! Я! Я!! Только Я!!!

Он снова стал раздуваться, и чем больше прижимались к земле Чрево, Карман и Ширинка, тем больше он становился. Вдоволь насладившись видом пресмыкающихся и трясущихся от страха вассалов, призрак надменно сказал:

– Брюхо, скажи мне, положи руку на живот, много ли ты знаешь людей, которые смогли бы отказаться от еды?

– Нет, мой господин, не много...

– Значит, всё же знаешь?

– Да, господин, как же не знать... – униженно пролепетало Чрево. – Есть... мало, но есть...

– Ширинка, дурья твоя башка, ответь, много ли ты знаешь людей, которые могут наступить тебе на горло или завязать узлом?..

Ширинка, испуганно озираясь то на Чрево, то на Карман, чуя подвох, жалобно залепетал:

– О Господин, не надо... похоть... она... мы... можем...

– Отвечай, пипетка, есть такие, кому нет до тебя дела? – зыркнул на него призрак. – Те, кто чихать хотел на любострастие и прочие твои похотливые фокусы?

– Мало, господин, очень мало...

– Значит, есть?

– Да, есть... – едва слышно пропищал Ширинка.

– Карман, чем порадуешь меня ты? Много ли знаешь таких, кто не зависит от тебя?

– Мало...

– Значит, есть...

– Есть... мало, правда, но есть...

Призрак вновь дурью заревел:

– Все ваши чары ничтожны! Если есть хотя бы один человек, кому наплевать на тебя, Брюхо, на тебя, Карман, на тебя, Ширинка, если...

Он опять стал менять свою форму и размер, наводя тень на плетень.

– Если сегодня есть, хотя бы один такой, это значит только одно – завтра их будут десятки, тысячи, миллионы! Или все или никто, бездари!! Рабство относительным не бывает!!!

С этими словами призрак стал увеличиваться в размерах. Вначале он принял размер с добрую корову, потом раздулся до размеров слона, а потом стал больше дома. Ширинка, Карман и Чрево с ужасом наблюдали за его метаморфозами.

– Скажите мне, несчастные, – вновь забасил призрак нечеловеческим голосом, – покажите мне, хотя бы одного человека, кто смог бы обойтись без меня??? Кто, где, когда был в состоянии противиться моим чарам? Кто может прожить без меня?!

– Нет, таких нет... нет, нет, таких нет, не было, и не будет... – исступленно голосили Чрево, Ширинка и Карман.

– Да что там прожить! Я неуничтожим, я бессмертен! Даже время бессильно передо мной! Со смертью человека и ты, брюхо, и ты, Карман, и ты, Ширинка, вы все исчезаете, и только я продолжаю жить после смерти...

– Ну и дела! – не удержался Ширинка. – После смерти?..

– Именно, ведь я – главное чуда света!

– Это как? – хлопнул Ширинка.

– Так! Что есть пирамида Хеопса, как не я?..

Призрак снова стал увеличиваться в размере.

– Четыре с половиной тысячелетия прошло с тех пор, как умер мой раб, фараон Хеопс, но он успел увековечить меня...

– Это он о чем? – разинул от удивления рот Ширинка.

– О пирамиде, невежда, – вполголоса ответил Карман.

– Да что там пирамида... Пустяки! Всё из-за меня, людишки преклоняются передо мной, ставят мне памятники... Неужели вам, глупцам, не ясно, что человек уже давно у меня в тотальном рабстве? Да за щепотку тщеславия с себялюбием, за краюху гордыни с высокомерием человек продаст всех вас вместе взятых, да что там вас – весь мир сдаст с потрохами! А теперь всё, я устал, вы утомили меня, мне нужен покой и мир... желательно весь.

Вновь наступила тишина, хотя зловещая тень не исчезла.

– Ваша сытость, кто это был? – пискнул Ширинка, вытягиваясь.

– Да, чуть не забыл, – снова послышался голос призрака, – если вздумаете, кому рассказать о нашей встрече, то знайте, что вы, смерды, говорили с Эго!.. Хотя можете звать меня просто **Я**...

– Как я? – пискнул Ширинка.

– Ну, то есть Й-а, но не И-а! Ясно, неучи? Смотрите не перепутайте!.. – подытожил призрак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.